

АВТО ПЛЮС РЕНТГЕН НА СЛУЖБЕ КРАСНОГО КРЕСТА

В.А.Тархановский

Международный Информационный Нобелевский Центр,
г. Москва, Россия

Эрнест Хемингуэй стремился попасть на фронты Первой мировой войны, но в армию его не взяли, т.к. у будущего лауреата Нобелевской премии по литературе (1954 года) был сильно поврежден глаз – наследие от увлечения боксом. Молодой человек нашел, однако, «лазейку»: в мае 1918 г. едет в Европу в составе автоколонны Американского Красного Креста. Его сотоварищи и он сам оказались на итало-австрийском фронте в зоне боевых действий. Уже в ночь на 8 июля Эрнест попадает под миномётный обстрел. Придя в сознание, – потом выяснилось, что американец получил от австрийской мины тяжелую контузию и множество мелких ранений, – он обнаружил два трупа, а третий итальянец был едва жив. Эрнест ползком потащил его на себе в укрытие, но по пути их достала пулеметная очередь. В итоге ранений итальянец перешел в разряд «невозвратные потери», а американцу пули повредили колено и голень. Когда медики осматривали Хемингуэя здесь же, то, не сходя, как говорят, с места, извлекли 28 осколков мины, а всего насчитали 237 ранений. В госпитале Милана американец пролежал несколько месяцев... «Тененте Эрнесто» Хемингуэй удостоен военного креста и серебряной медали за доблесть – это второе по значению боевое отличие в Италии.

Впечатления от фронтовой «мясорубки», конечно же, вошли в произведения писателя. В романе «Прощай, оружие!» Хемингуэй детальнейшим образом живописует всё, что он видел и понял на войне. Напомним один из эпизодов краснокрестной работы – словами героя этого романа, где повествование ведётся от первого лица: «На следующий день, возвращаясь с первого горного поста, я остановил машину у эвакуационного пункта, где раненые и больные распределялись по их документам и на документах делались отметки о направлении в тот или иной госпиталь. Я сам вел машину и остался сидеть у руля, а шофёр понёс документы для отметки...». Ну и так далее.

После перевязки в полевом лазарете (это мы опять-таки о событиях в романе, которые близки к тому, что испытал раненый Хемингуэй) началась эвакуация: «Боль, о которой говорил врач, уже началась, и всё происходящее вокруг потеряло смысл и значение. Немного погодя подъехала английская машина, меня положили на носилки, потом носилки подняли на уровень кузова и вдвинули внутрь. Рядом были ещё носилки... Ещё двое носилок подняли и просунули в ремённые ямки наверху. Высокий шофер-англичанин подошел и заглянул в дверцу.

– Я поеду потихоньку, – сказал он. – Постараюсь не беспокоить вас.

Я чувствовал, как завели мотор, чувствовал, как шофер взобрался на переднее сиденье... Потом мы тронулись. Я лежал неподвижно и не сопротивлялся боли».

По художественно-документальным отрывкам, даже коротким, можно понять, какие муки испытывали раненые при транспортировке и какие тяготы выпадали на долю медиков и санитарного персонала. Но за полвека до того, как подвиг волонтеров Красного Креста увековечил американский писатель, происходили аналогичные действия, только требовавшие ещё больше усилий, т.к. вместо сильных моторов раненые тряслись на обычных телегах и повозках, куда впрягались лошадки. К примеру, в конце Крымской войны 1853-1856 гг. хирург Н.И.Пирогов отдал приказ о создании транспортного отделения специально для перевозки раненых. На средства Крестовоздвиженской общины, пять отрядов которой много месяцев сражались за жизни людей, сформировался ещё один отряд, и в Екатеринослав через Перекоп переправили 13 тысяч нуждающихся в лечении. Медицинское попечение за этими вырванными из объятий войны возложили на сестёр этой общины.

Возвращаемся в годы Первой мировой. Петру Капице, русскому физика и инженеру, будущему Нобелевскому лауреату, тоже пришлось сесть за руль авто, помеченного знаками Красного Креста. И к тому же раньше Хемингуэя. Когда Петра и его старшего брата мобилизовали в январе 1915 г., то они попали в санитарный отряд на польском фронте. Пётр был студентом третьего курса Петербургского политехнического института. В автобиографии он написал об этом периоде одной фразой: «В 1915 г. был годичный перерыв в занятиях: работал санитаром-шофёром в армии». На известном снимке студент стоит рядом с открытой машиной (по-видимому, верх её при перевозке раненых затягивался брезентом), а рядом – его коллеги, санитар и санитарка. На радиаторе флажок с Красным Крестом. Восславим коня механического, спасшего (и продолжающего спасать) тысячи, сотни тысяч человеческих жизней. Может быть, настала пора ставить памятник санитарному автомобилю?!

Пожалуй, всех обскакала – в смысле технической оснащённости – Мария Склодовская-Кюри, обладательница двух «Нобелей». Она на средства Союза женщин Франции создала «радиологический автомобиль». Её младшая дочь Ева так рассказала об этом важном моменте в истории медицины и краснокрестной помощи: «В обыкновенном автомобиле Мари размещает рентгеновский аппарат и динамо, которое приводится в действие автомобильным мотором... С августа 1914 г. эта передвижная станция объезжает госпиталь за госпиталем...».

В отрезок времени с 1914 по 1918 г. Склодовская-Кюри создала 220 (!) передвижных и постоянных рентгеновских установок. Ей помогала в этом благородном деле старшая дочь Ирен. «Мать брала меня, – вспоминала позже Ирен, которая также стала нобелевской лауреаткой в 1935 г. (вместе с мужем, Ф. Жолио-Кюри), – в качестве техника во многие из своих поездок... Поскольку персонала всё больше не хватало, мне пришлось оставаться на то время, какое необходимо, чтобы обучить техников или лаборантов». «Рено» – основная марка грузовиков, поступивших в распоряжение Марии. Но рентгеновские аппараты были смонтированы, в том числе и на более легких авто, полученных ею от частных лиц. На технику и на подготовку обслуживающих её людей Склодовская потратила значительную долю своей второй Нобелевской премии. Сама она окончила курсы шоферов, а Ирен сдала экзамены на медсестру. Вот автоколонна двинулась к фронту. Мария Склодовская-Кюри села рядом с шофером – она может шофера подстраховать. Конечно, случалось и ухаживать за машиной, не говоря уж о собственно рентгеновском аппарате. Подчас приходилось вступать в конфронтацию с администрацией госпиталей: рентгентехника была в целом еще новинкой. Победа всегда оставалась за нобелевской лауреаткой, хотя она и голоса-то не умела повысить. Дело сделано – раненые обследованы под рентгеном, проявлены снимки. Снова колонна с французским флагом и знаком Красного Креста в пути... Дорога ведёт теперь к другому госпиталю, где в палатах ждут новые раненые.

В удобном рентгенологическом исследовании (или съемке на плёнку) нуждались, конечно, многие пациенты терапевтических кабинетов и хирургических отделений. Поэтому внедрение рентгентехники носило «взрывной» характер. Достаточно сказать, что за 1896 г. в разных странах появилось около полусотни книг и примерно 1000 статей о лучах X, названных очень скоро «лучами Рентгена». В Москве профессор Императорского Технического училища, который знал В. Рентгена лично – они оба стажировались в одно время у крупного немецкого физика А. Кундта, – после многих опытов оборудовал несколько стационарных кабинетов, а также смонтировал рентгеновскую установку на колесах. Политехническое общество на заседаниях 23 января 1896 г., а затем последующих (13 февраля, 9 и 26 ноября) демонстрировало трубки Пулюя, Крукса. Комиссия под председательством А. Х. Репмана, рассмотрев рентгентехнику, отечественную и зарубежную, проделав ряд опытов, вынесла свои рекомендации на дальнейшее.

Здесь следует сделать важное отступление, поясняющее авторство в открытии и становлении рентгентехники как целого раздела медицинской диагностики и отрасли промышленности. В 1995 г. историческая наука отметила 150-летие двух корифеев физики: украинца по рождению И. П. Пулюя и немца В. К. Рентгена [1]. Что связывает эти имена? Иван Пулюй, подданный Австро-Венгрии, экспериментировал с катодными трубками, и ещё в 1875-1876 гг. показал некоторые промежуточные результаты (находясь в Страсбурге) А. Кундту, В. Рентгену и Н. Тесле, тогда ещё студенту. Рентген воспринял это отрицательно, но позже, когда Пулюй обнаружил X-лучи и опубликовал результаты [2], Рентген из скептика превратился в оптимиста и... позаимствовал открытие, выдав его за собственное достижение.

Один из научных доводов, по мнению, например, крупного российского физика, высказанного 60 лет назад [2], таков: «...Открытие радиоактивности самым непосредственным образом связано с открытием X-лучей».

Литература

1. Манолов, К. Р. Кто настоящий автор открытия «X-лучей»? / К. Р. Манолов, Н. Д. Василега-Дерибас, В. М. Гютюнник, В. И. Орёл // Нобелистика. Науковедение. Информатика: Материалы 5 Междунар. встречи-конф. лауреатов Нобелев. премий... Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина; Изд-во МИНЦ, 1999. – С. 51-64.

2. «Лучистая электродная материя» – на немецком языке, в журналах Венской академии наук; в 1883 г. эти научные сообщения Пулюя были изданы отдельным сборником; в 1889 г. Британское физическое общество переиздало сборник в английском переводе.

3. Вест. АН СССР. – 1946. – №3. – С. 47.